

Я ГЕНИЙ, МЕТРОСЕКСУАЛЬНЫЙ!..

К 120-летнему юбилею поэт
Игорь Северянин не «забронзовел»

ПОЭЗО-ВЕЧЕРЬ ИГОРЯ СЪВЕРЯНИНА.

Будущий гений русской поэзии мазал усики помадой, учил второклассников курить и доводил женщин до экстаза. Таким он остался в воспоминаниях бывших одноклассников.

Единственный в мире Музей Игоря Северянина (бывшая усадьба его дяди Михаила Лотарева) находится в местечке Владимировка, что в 30 километрах от Череповца. Вот, пожалуй, единственная дань потомков прославленному земляку, 120-летие которого отмечалось в мае нынешнего года. В Череповце, где знаменитого поэта почитают «своим», «местным», нет ни памятника, ни улицы его имени. Да и преданных местных северяниноведов Игорь Лотарев толком не нашёл.

Есть лишь скромная мемориальная доска на административном здании Череповецкого университета (бывшее реальное училище), потерявшаяся в ряду военных героев советской поры. Очутись фигуранты рядышком не на стене, а, скажем, в театральной ложе или, что вернее, в соседних креслах на партсобрании, — товарищи со звездами на плечах с негодованием отсели бы от поэта. Утонченный эстет, игрок, модник, знавший толк в литературе и французских духах, мог либо восхищать, либо раздражать. Есть достаточно устойчивое мнение, что, мол, не за что череповчанам любить Северянина. Все семь лет жизни, прожитые в этом городе, он каждым жестом, каждым шагом и задраным на петербургский манер носом напоминал аборигенам, что все его свободное время посвящено ожиданию отъезда из ненавистного Череповца:

*Череповец! Пять лет я прожил
В твоём огрызненном снегу,
Где каждый лицеист острожил,
Где было пьянство и разгул...*

Брошенная пощечина достигла щеки-адресата спустя многие десятки лет. И больно ударила, надо сказать.

По волне памяти

В 1904 году наконец немилый город остался за горизонтом. Игорь Лотарев покинул Череповец, а четырнадцать лет спустя — и страну. И только там, на чужбине, понял вдруг, чего лишился. Эстонское эмигрантское наследие Северянина кишит запоздалыми признаниями в любви к родине и местам детства. Особенно к рекам. Прочитать названия всех водоемов, упоминаемых в его лирике, журнальной площади не хватит. Изобильно представлены и Шексна, и Ягорба, и Суда. В холодной и куда больше, чем сейчас, помешанной

Празднования 120-летия поэта прошли в Череповце, поселке Тойла (Эстония) и в Москве. Вечера, посвященные Игорю Северянину, главному эстету и гурману русской литературы, всегда заканчиваются угощениями. В Эстонии гостей 120-летнего юбилея поэта по аналогии с его знаменитым стихотворением кормили ананасами и шампанским. В Череповце читали другой стих, «Мороженое из сирени», и вкушали это холодное лакомство.

на самостоятельности Эстонии как же ему хотелось сменить надушенные лайковые перчатки декадента на обыкновенные теплые варежки, шитьем которых славился Череповец.

Один из самых известных исследователей жизни и творчества Игоря Северянина, эстонский журналист и писатель Михаил Петров, рассказывал: «Здесь у вас Северянин по-настоящему напитался русской природой. Через несколько месяцев после того как я впервые побывал в эстонской деревне Саркуле, где жил Северянин, я приехал в Череповец. Во Владимировке вышел на берег реки и обомлел. Появилось ощущение deja vu: тот же берег, тот же вид, они фотографически совпадают. И я понял, что Северянин, выбирая место жительства в Эстонии, нашел картинку из своих детских воспоминаний».

Хулиган и двоечник

Игорь Лотарев родился в Санкт-Петербурге в 1887 году. В младенчестве будущего поэта окружали любящие родители, в детстве — измученные частыми ссорами, а в отрочестве — окончательно разошедшиеся.

В 1896 году Игорь с отцом уезжает в Череповец, где жил его дядя, родной брат отца Михаил.

Дядюшкино летнее имение находилось неподалеку, за чаепитием на веранде собиралась огромная семья. Доселе одинокий мальчик, обзаведшийся вдруг не одной джужиной дядей, тетей, кузенов и кузин, пропадал во Владимировке сутками и неделями. Деревня, дача и река Суда были отдушинами его тогдашнего существования.

Учебу в реальном училище с розгами и другими наказаниями за шалости и неуспеваемость он ненавидел всей душой. Во многом потому, что больше других шалил и не успевал. Известен случай, когда Игорь с приятелем купил жеребца и втащил его на второй этаж, где квартировал. О проблемах, связанных с учебным процессом, свидетельствуют найденные в архивах училища документы: Игорь Лотарев ходил в записных двоечниках и даже оставался на второй год. В конце концов он не столько Череповец не любил, сколько терпеть не мог учиться в полувоенном заведении. Да и в Северянины сбежал оттого, что Лотарев — хулиган и двоечник.

Возможно, именно желание сбежать из душных застенков реального училища так или иначе привлекло его к природе, литературе и сочинению стихов. Благо творческая жилка пульсировала в крови: мать Северянина происходила из известной семьи Шеншиных, состояла в родстве с поэтом Афанасием Фетом и историком Николаем Карамзиным.

«Дни серенькие»

В биографической поэме Игоря Северянина «Роса оранжевого часа» жизнь череповецкого реалиста действительно предстает не самым веселым образом. С такой яркостью и вниманием к деталям о том времени так не написал никто из современников:

*Череповец, уездный город,
Над Ягорбой расположен,
И в нем среди косматых бород,
Среди его лохматых жен
Я прожил три зимы в Реальном,
Всегда считавшемся опальным
За убийство царя
Воспитаником заведенья,
Учась всему и ничему
(Прошу покорно снисхождения!).
Люблю на севере зиму,
Но осень, и весну, и лето
Люблю не меньше. О поро
О каждой много песен стено.
Приехав в город в сентябре,
Заделался я квартирантом
Учителя, и потекли —
Как розово их ни стекли! —
Дни серенькие. Лаборантам,
Чиновникам и арестантам
Они знакомы, и про них
Особо нечего сказать мне.
По праздникам ходили к Фатме,
К гадалке (зривенник всего
Она брала, и оттого
Был сказ ее так примитивен...
Ах, отчего не дал семь гривен
Я ей тогда, и на сто лет
Вперед открывла бы гадалка
Число мной сведенных котлет!).
Еще нас развлекала галка,
Что прыгала среди сорок
На улице, и поросенок,
На солнце гревшийся спросонок,
Как новоявленный пророк,
Перед театром лежа, хрюкал;
Затем я помню вроде кукол
Туземных барышень; затем,
Просыпывая горсти тем,
Сажусь не в городские санки,
А в наш каретковый возок,
И, сделав ручкой черепанке,
Перекрестясь на образок,
Лечу на сумасшедшей тройке
Лесами хвойными, гуськом,
К заводской молодой постройке
С Алешей, сверстником-князьком!*

Наш «очерепаненный»

Впрочем, несправедливо было бы утверждать, что Игорь Лотарев не запомнился никому из местных жителей, кроме исполнителя наказаний. Лет тридцать назад в домашнем архиве потомков преподавателя реального училища были обнаружены рукописные воспоминания «бывшего ученика череповецкого реального училища П. Н. Смирнова». До сих пор эти мемуары никогда не печатались.

«Свои воспоминания о Северяnine я связываю с череповецким реальным училищем, где мы вместе учились, хотя и в разных классах. Я был еще второклассником, когда мой двоюродный брат Коля Бахметьев учился уже в шестом классе, и его товарищи — Женя Ланг, Вася Уткин, Игорь Лотарев (будущий поэт Игорь Северянин) обучали меня курить и допускали иногда в свою компанию. Лотарев и Уткин жили на квартире у моей тетушки М.П.Бахметьевой возле реального училища, и я частенько туда заглядывал.

Я припоминаю рассказы моего брата и Игоря о нашем реальном училище. В этих рассказах с гордостью упоминалось о бывшем воспитанике Рысакове, который бросил динамитную бомбу в царя Александра II. После этого случая на череповецкое реальное училище была наложена «епитимья» — здание окрасили в черный цвет, но белый цвет появлялся ежегодно, и ежегодно его чернили...

Излюбленным местом для прогулок компания Лотарева имела Волковский пруд и Соляной городок. Однажды в Соляном Игорь Лотарев угощал нас шоколадными конфетами (у него всегда были карманные деньги на лакомства). У Игоря уже были усики, которые он старательно мазал фиксатуаром (*помада для волос. — Авт.*). Я любил подшутить: спросил у Игоря фиксатуар и незаметно приклеил его к шоколадной конфетке и сказал: «Смотри, Игорь, я съем твой фиксатуар». И откусил конфетку, держа в руке фиксатуар, а Игоря сразу же «ударило» в стихи:

*От дыма, может быть, от чада
С Петюшей сделался удар —
И он заместо шоколада
Свел целый мой фиксатуар!*

Потомок известного русского поэта Афанасия Фета, Северянин в своих ранних произведениях ограничился узким кругом салонно-мещанских представлений, сугубо личных, интимных переживаний. Глава поэтической группы эгофутуристов, автор сборников «Громокипящий кубок», «Златомира», «Ананасы в шам-

Сам Игорь-Северянин писал свой псевдоним через дефис: как второе имя, а не фамилию.

панском» и других, Игорь Северянин после Октябрьской революции эмигрировал за границу.

В этот период обложке подаренной мне Игорем книги «Златомира» я написал тогда:

*Эмигранту Лотареву Игорю.
О, Игорь, наш очерепаненный!
Зачем ты скрылся за кордон!
О гениальный, о талантливый!
Попал в трагический полон!*

Долго не было никаких слухов о Северяnine. Где он? Что с ним? Одни передавали, что он во Франции, другие — в Америке. И только позже стало известно, что Северянин в Эстонии.

Периодом полного расцвета поэта были 1913-17 годы. Мне довелось, еще будучи студентом, несколько раз бывать на поэзовечерах Игоря Северянина (по его контрамарке) в здании Калашниковской биржи в Петрограде. На этих вечерах творилось нечто невероятное: под сиятельные

аплодисменты всего зала Северянина чуть ли не носили на руках. Особенно женщины были в экстазе от стихов Северянина...»

Северянин в школе и в кино

Сегодня Игорь Северянин имеет твердую, никем не оспариваемую «прописку» в пантеоне русских классиков. Его заучивают наизусть на уроках литературы, а тот факт, что Северянин победил в 1918 году на «выборах короля поэзии» самого Маяковского, даже проходят по истории. Его печатают весьма приличными тиражами, о нем пишут книги, в том числе и о любовных похождении «короля поэзии». Его жизнь не раз становилась киносценарием. В последнем художественном фильме о Серебряном веке идеальный северянинский пробор гримеры накрутили па голове Михаила Ефремова.

Сергей Виноградов ■